

Е.В. Пчелов

Российская Академия и вопрос о введении в русский алфавит новых букв

Впервые опубликовано в: Е.Р. Дашкова в науке и культуре. М., 2007. С. 23–36.

Как известно, в 1783 г. по инициативе Екатерины Великой была создана Российская Академия, объединившая деятелей русской словесности под председательством знаменитой сподвижницы императрицы – княгини Екатерины Романовны Дашковой (рожд. графини Воронцовой). Главной практической задачей Российской Академии стало составление первого толкового словаря русского языка (с чем Академия успешно справилась, и в сравнительно короткие сроки). Приступая к её осуществлению, члены Российской Академии не могли пройти мимо вопроса о составе русской азбуки. Его обсуждение началось уже на одном из первых заседаний Академии. Приведу выдержку из протокола («записок») четвёртого заседания Академии, состоявшегося в субботу 18 ноября 1783 г. в доме княгини на Английской набережной, 16 (здание Петербургской Академии наук на Васильевском острове, где проходили первые заседания Академии, отапливалось плохо)¹:

«Собрание было в доме Ея Сиятельства княгини Екатерины Романовны Дашкавой, яко Председателя Академии; присутствие составляли: председатель княгиня Екатерина Романовна Дашкава, Иван Иванович Шувалов, Иван Логинович Голенищев-Кутузов, граф Александр Сергеевич Строгонов, Алексей Андреевич Ржевский, Петр Александрович Соймонов, Петр Васильевич Бакунин, Денис Иванович Фон Визин, господа: Ушаков, [Козодавлев], Румовский, Лепехин, Протасов, Щепотьев, Княжнин, Озерецковский; Честнейшия Отцы Савва, Иоанн Красовский, Иоанн Сидоровский, Василий и Георгий; Господин Янкович фон Мириево.

...

V

Секретарь, получа приказание от Председателя Академии Ея Сиятельства княгини Екатерины Романовны, вопрошал каждого члена по порядку о мнении, какия должно Академии принять буквы, то есть ныне введенныя в Азбуку гражданскую, или держаться азбуки славенской. Но все господа члены единогласно утвердили, чтобы удержать все славенския буквы, способствующия нам к достаточному и правильному выговору на всех Языках; за лутчее же от всех признано просить в сем совета от Его высокопреосвященства Гавриила, митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго; и сие возложено на Секретаря Академии.

VI

Ея Сиятельство Княгиня Екатерина Романовна предлага собранию в разсуждении букв, что не токмо не надлежит сокращать азбуки; но еще непременно нужно ввести две новыя буквы.

1-е. г (*с точкой наверху – ЕП*), соответствующей немецкому или латинскому g для различия многих слов, которыя одним только выговором разнятся, например, град – город и град – смершися капли с атмосферы падающия; благий, т.е. добрый, добронравный, и благой, т.е. блажной, пригожей – красен лицом, пригож – пригодный; и прочая.

2-е. іѠ или іѠту для выражения слов и выговоров с сего согласия начинающихся; как матіѠрый, іѠлка, іѠль и пр: ибо выговоры сии уже введены обычаем; которому, когда он не противуречит здравому разсудку, всячески последовать надлежит и господа Котельников и Протасов утверждали, что сии буквы некоторыми писателями вводимы были: почему сие Ея Сиятельства предложение и принято Академиею; совершенное же оных утверждение предоставлено будущему собранию в ожидании о буквах мнения от его высокопреосвященства»².

Лица, поддержавшие Дашкову, это – математик Семён Кириллович Котельников и медик Алексей Протасьевич Протасов.

На заседании, состоявшемся во вторник, 23 января 1784 г. педагог Фёдор Иванович Янкович фон (де) Мириево высказал «мнение о Славяно-Российских буквах с доказательством о их происхождении и которые из числа азбучного выключено быть долженствует». «Против которого Академии Председатель предлагала, что нам не токмо уменьшить, но и некоторые выгодно прибавить должно. Сия есть истинная выгода азбуки нашей, что по различным выговорам языка Славянороссийского имеем мы нужду в разных буквах; и тем самым удобно можем себя приучить к выговорам почти всех языков Европейских: Россияне изучая иностранные языки могут говорить как природные Французы, Немцы, Итальянцы, Англичане и пр.; но редкий француз говорит хорошо по немецки, немец по французски, потому что в немецкой азбуке многих недостает выговоров для француза; во французской – для немца и пр... пример Екатерины II, которая показывает нам путь собственным своим примером по обогащению и очищению отечественного языка нашего: ревностно стараться не только соблюсти уже принятое полезное языку нашему, но и обогащать оный. Впрочем, сочинение сие, доказывающее основательно происхождение наших букв согласно со мнениям всех присутствующих членов беречь в Академическом письменохранилище определено».

В день годовщины Российской Академии, 25 ноября 1784 г., в протоколах отмечено, что Академия «...первым себе поставила долгом вникнуть, так сказать, в стихии языка

своего и рассмотреть все буквы или письма в азбуке употребляемая... Ибо невзирая на превосходство нашего алфавита пред всеми Европейскими, в буквах обилие, подающее Россианам способность в чистом выговоре слов чужестранных, большее наше сообщение с соседними народами и многия другия причины и обстоятельства ввели в язык наш новые звуки, кои буквами нашими мы изобразить не можем, и коих употребление сделалось всеобщим; почему и начертание их, паче же для различения таких речений, коих смысл произношением сих токмо звуков отличается от смысла других собуквенных им слов, стало необходимым. Для сего Академия, к означению двух нужнейших из сих букв, сочла за необходимость принять в Алфавит наш две новыя буквы; из коих бы одна во всём соответствовала выговору Греческия γ или Латинского g ; а другая выражала бы $i\acute{o}tu$ »³.

Таким образом, Российская Академия *официально* ввела в русский алфавит две буквы – диграф $i\acute{o}$, служивший для обозначения т.н. ёкающего произношения (т.е. по сути дела, прототип сегодняшней буквы \acute{e}), и букву τ для обозначения взрывного g в отличие от подобного фрикативного звука. Но решение Российской Академии отнюдь не было спонтанным. Напротив, оно имело значительную предисторию, связанную с развитием фонетики русского языка.

Первоначально в древнерусском языке не существовало явления ёканья, т.е. перехода звука e после мягкого согласного под ударением в звук o . Поэтому и специальной буквы не требовалось. Однако с XII–XIII вв. такое фонетическое изменение в древнерусском языке постепенно возникает. Об этом свидетельствует наличие в письменных источниках таких написаний, как *жоны*, *чорный* и др. Иными словами, вместо буквы e в этих случаях иногда писали o , чтобы таким образом отразить новое произношение. Первоначально переход e в o отмечался после шипящих и звука j , а к XIV в. он установился в положении после любого мягкого согласного перед твёрдым согласным или в конце слова. Причём, в некоторых говорах этот процесс происходил как под ударением, так и в безударной позиции. К XVI–XVII вв. развитие ёканья в разговорной речи в целом завершилось. Со временем потребовалось обозначать это явление на письме каким-то особым способом.

Первые предложения на этот счёт были высказаны в 1730-х гг. несколькими выдающимися деятелями русской культуры того времени. Вероятно, одним из инициаторов нововведения можно считать Василия Евдокимовича Адодурова (1709–1780), который в 1730-х гг. занимался составлением грамматики русского языка. Её краткий вариант, изданный анонимно, был опубликован на немецком языке в качестве приложения к Лексикону Э. Вейсмана в 1731 г. («Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе при Имп. Академии наук

печатию издан»). Пространный вариант грамматики Адодурова частично сохранился в русской рукописи 1738–1739 гг., а частично в переводе на шведский язык, изданном в Стокгольме в 1750 г. («Российская грамматика» М. Грёнинга). Этот вариант был обнаружен и исследован выдающимся отечественным учёным Б.А. Успенским и издан им в книге «Первая русская грамматика на родном языке: Доломоносковский период отечественной русистики» (М., 1975). Кроме того, Адодурову, по всей видимости, принадлежит и написанная в конце 1730-х гг. «Заметка о транскрипции».

Надо сказать, что вопрос о создании специальной буквы – прообраза будущей ё, был связан с проблемой изменения количественного состава букв русской («гражданской») азбуки в принципе. Как известно, на протяжении 1708–1710 гг. и 1730-х гг. этот буквенный состав по сравнению с церковнославянской кириллицей существенно изменился. Так из «гражданской» азбуки постепенно исчезли буквы Зело, оба Юса, Кси, Пси, От и Омега (именовавшаяся в то время «О»), специфическая форма Ик (возникшая из диграфа ОУ) и добавились буквы Э, Ё и Я (возникшая на основе Юса малого). Предлагалось введение и других новых букв – вместе с «протографом» будущей буквы ё возник вопрос и о специальной букве для обозначения взрывного звука *g* (в отличие от фрикативного *ɣ*). Обе новых буквы со временем как бы образовали своеобразную историческую пару, поскольку в дальнейшем возможности их использования обсуждались вместе. Предложение ввести букву *г* (для передачи взрывного *g*) содержится уже в кратком варианте грамматики Адодурова 1731 г. Важно отметить, что такая буква существовала в письменности Юго-Западной Руси ещё с конца XVI в., а сама идея о её введении в русскую азбуку носила революционный характер, поскольку знаменовала «своеобразную легитимацию русской некнижной фонетики, т.е. признание возможности включения её в сферу литературного (письменного) языка»⁴.

В Пространной грамматике Адодурова имелся особый параграф – 97-й, в котором специальная буква предлагалась и для обозначения ёканья – «двогласная литера»: *io* под «крышечкой» ⁵. Эта «крышечка», акцентный знак, представляла собой циркумфлекс, в древнерусской традиции именовавшийся «каморой» (или «облеченной просодией»). В «Заметке о транскрипции» данная форма завершает перечень букв русской азбуки. Важно подчеркнуть, что, будучи диграфом по сути, *io* мыслилась Адодуровым и другими учёными именно как особая **буква**, претендовавшая, следовательно, на законный статус в русском алфавите. При этом данная буква предназначалась главным образом для написания иностранных слов, «принятых в русский язык». «Общее употребление ещё не утверждает этого (*написания двогласной литеры*) полностью во всех русских словах»⁶. В той же Пространной грамматике присутствовало и предложение о введении буквы *г*.

Необходимо подчеркнуть, что Адодуров допускал также мысль о возможности исключения из азбуки букв Фита, Ижица, И десятеричное и даже Ер (в чём был в целом солидарен с другими учёными современниками – В.К. Третьяковским и В.Н. Татищевым, хотя их позиции по этому поводу и несколько различались).

Вторым инициатором введения диграфа был известный историк и государственный деятель Василий Никитич Татищев (1686–1750). В письме В.К. Третьяковскому 1736 г. и других сочинениях 1730-х гг. он предлагал использовать особую букву – *io*, в таких словах, как, например, *ioжъ*, *miодъ*, *клиостъ*⁷.

Третьим создателем буквы можно считать известного поэта Василия Кирилловича Третьяковского (1703–1768). В своём «Разговоре между Чужестранным человеком и Российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи» (СПб., 1748) он попытался «узаконить» и *т*, и *io* под «каморой». Кроме того Третьяковский предлагал и другую форму *io* – под горизонтальной чертой⁸.

Таким образом, к 1740-м годам идея о введении в русскую письменность особого начертания для будущего *ё* окончательно оформилась в виде *io* под «крышечкой». Б.А. Успенский предположил, что этот диграф появился между 1735–1736 и 1738 гг., возможно, он был введён академической реформой 1735 г. (когда была введена и буква *й*). Во всяком случае, по-видимому, «татищевское» написание *io* – более раннее, а «адодуровское» *iô* – более позднее; именно это последнее и вошло в письменное употребление. Однако, однозначно сказать, кто первый предложил этот диграф, невозможно. Как это часто бывает, идея охватила умы сразу нескольких (впрочем, совсем немногих) русских интеллектуалов того времени и нашла своё воплощение в первых опытах русской грамматики на русском языке.

Мнение Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) отличалось от предшествующих⁹. В подготовительных материалах к своей «Российской грамматике» (издание датировано 1755 г., хотя реально увидело свет только в 1757 г.) он написал: «*iô* в простом штиле писать должно», а затем вместо «должно» поставил «можно». В другом месте, размышляя о возможности нового написания, Ломоносов заметил: «Коль странно будет писать *несiошь*». И, наконец, в самой Грамматике в параграфе 88 заключил: «Букву *iô* почитать должно за двуписьменное начертание, из *i* и *o*: и для того в азбуках на ряду ставить не должно...».

Александр Петрович Сумароков (1717–1777) решительно возражал против введения диграфа, считая, что его могут заменить сочетания букв *ьo* или *йo*: «... Писать надобно так: *Альона*. А для чего писать *iôжъ*, а не *йожъ*, етова я не постигаю: *Майiоръ* не *Майоръ*». Показателен такой факт: в 1769 г. М.Д. Чулковым издавался журнал «И то и *сiô*» - под

таким названием вышли первые пять выпусков. Но начиная с шестого, состоящего из произведений Сумарокова, название журнала приобрело вид: «И то и съо»¹⁰.

Ещё один существенный аспект введения новой буквы в русскую письменность заключался в том, что она предлагалась в первую очередь для написания иностранных слов и только во вторую очередь – для слов исконно русских¹¹. Тем не менее на письме буква *iô* появлялась, по крайней мере, с середины XVIII в. Пример тому – письмо А.Г. Орлова Екатерине II из Ропши (1762 г.), где упоминается молодой тогда Г.А. Потёмкин, как «Патиôмкинь»¹². Важный «перелом» в отношении к новой букве наступил только в начале 1780-х годов и был связан с вышепротитированным решением Российской Академии.

Это решение интересно в нескольких отношениях. Во-первых, обсуждая вопрос о количестве и происхождении русских букв, Академия учитывала мнение иерархов Русской Православной церкви, в которой использовался и продолжает существовать сейчас церковнославянский язык. И, судя по всему, мнение иерархов поддерживало позицию Дашковой, направленную на увеличение букв. Во-вторых, Академия ориентировалась на явления *живой речи*, она старалась фиксировать то, что происходит в *разговорном языке* – и введение новых букв должно было этому способствовать. Тем самым, создавая свой словарь, Академия составляла не просто *толковый словарь русского языка*, но словарь, безусловно, языка *живого* (так, как это впоследствии делал В.И. Даль). В-третьих, в предложении Дашковой и большинства членов Академии, поддержавших её, доминировала позиция об *увеличении* числа букв (т.е. более точной передаче фонетики русского языка), а не об их уменьшении. Тенденция дополнения азбуки новыми буквами, как видим, в корне противоположна тому принципу *упрощения* орфографии и *уменьшения* буквенного состава алфавита, который возобладал в русской культуре со второй половины XIX в. и особенно в XX в.

Решение Российской Академии было официальным, можно сказать юридическим (в тех рамках, в которых это было возможно), признанием новых букв, в том числе и «адодуровского» диграфа. А потому можно считать, что это был первый шаг, *узаконивший* специальную букву, предшествующую букве *ё*. Важно, что эта буква (диграф) предназначалась теперь для написания не столько иностранных слов, сколько для слов исконно русских (примеры каковых и приведены в протоколах Академии). Это заложило основу для создания в будущем буквы *ё*, воспринимавшейся уже буквой специфически русской и неупотребительной в заимствованных словах (Н.М. Карамзин)¹³.

Сложнее обстояло дело с буквой *г*. Она не прижилась в русской азбуке, чему способствовала нивелировка разницы в произношении взрывного и фрикативного *г* в

русском литературном языке. Хотя в XVIII в. в разговорном языке эта разница, как видим, была весьма заметной, но характерна она была, прежде всего, для южнорусского произношения. Можно вспомнить известное стихотворение М.В. Ломоносова «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке», связанное с этой фонетической ситуацией:

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят,
О грады, где торги, где мозгокружны браги
И денги, и гостей, и годы их губят.
Драгие ангелы, пригожия богини,
Бегущия всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкаго гнезда,
Угодность с негою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа,
Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы,
Багровые глаза, продолговаты, круглы;
И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,
Нагаи, болгары, гуроны, геты, гунны,
Тугие головы, о иготи чугуны,
Гневливые враги и гладкословной друг,
Толпыги, щоголи, когда вам есть досуг,
От вас совета жду, я вам даю на волю:
Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю*?¹⁴

Сам М.В. Ломоносов в 102-м параграфе своей «Российской грамматики» подробно останавливался на этом вопросе и даже насчитывал пять вариантов произношения *г*.

Буква *iô* уже присутствует в «Словаре Академии Российской»: в словах *раіѡкъ*, *семіѡрка*, *синіѡ*, *полотіѡръ*, *мотыліѡкъ*, *пень пніѡмъ*, *нашлиѡпать*, *іѡжь* и др. Её можно увидеть в названии комедии самой Е.Р. Дашковой «Господинъ Тоисіѡковъ» (от «то и сѣ»), в фамилии героя комической оперы Я.Б. Княжнина «Сбитеньщикъ» – *Волдыріѡвъ*. Но всё-таки ёкающее произношение считалось признаком «низкого стиля», просторечия (о чём, в частности, говорится и в «Российской грамматике» Ломносова), поэтому буква *iô* часто писалась именно в просторечных словах, как например, в слове «жеріѡха», т.е. еда («Там славный есть трактир, вседневная жеріѡха!» – князь И.М. Долгорукий).

Разумеется, столь сложная буква, как *iô* была неудобна в написании. Требовалось ввести более простую форму. Таковой и стала буква *ѣ*.

Долгое время считалось (и во многих изданиях пишется до сих пор), что букву ё придумал Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) и впервые напечатал в 1797 г. в своём литературном альманахе «Аониды». В самом деле, во второй книжке «Аонид», в стихотворении Карамзина «Опытная Соломонова Мудрость, или Мысли выбранные из Экклезиаста», на странице 176 напечатано слово «слёзы» с буквой ё («Там бедный проливает слёзы / В суде невинный осужден,...») и имеется сноска: «Буква е с двумя точками на верху заменяет їо».

Однако внимательное изучение изданий 1790-х годов привело к обнаружению этой буквы ранее 1797 г. Сначала В.Т. Чумаков в первом сборнике «Аонид», напечатанном в 1796 г., нашёл букву Ё в анонимной басне «Соловей, галки и вороны» в слове «зарёю» (С. 47: «Прошедшею весною, / Вечернею зарёю / В лесочке сем певал любезный соловей...»), а также и в других произведениях этого выпуска (в стихотворении В.В. Капниста «Мотылекъ»). Затем мне удалось обнаружить букву ё во втором издании сборника «И мои безделки» Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837) в сказке «Причудница» (из Вольтера) в слове «всё» (С. 76: «Всё эдак, так тоска возьмет и среди рая! / Всё чудо из чудес, куда ни поглядишь...»), а это 1795 г. Затем выяснилось, что в первом издании этой книги, напечатанном в том же 1795 г., буква ё не употребляется. Это вроде бы свидетельствует о том, что её введение в печать произошло именно во втором издании (в котором также были исправлены опечатки предшествующего), т.е. после июля 1795 г. (время выхода в свет первого издания) – скорее осенью того же года (в Московской университетской типографии во время её аренды Х. Ридигером и Х. Клаудием). Кто был инициатором этого нововведения – сам И.И. Дмитриев, или его друг и свойственник Н.М. Карамзин, под наблюдением которого издавалась книга Дмитриева, сказать сложно. Ясно лишь, что Карамзин, сыгравший в появлении буквы ё решающую роль, не может пока считаться её единственным создателем¹⁵.

В 1798 г. в той же университетской типографии издал свои «Сочинения» Гавриил Романович Державин. В них можно без труда обнаружить напечатанные с буквой ё слова «днём», «кораблём», «струей», «стезёю», «пройдёт», «Потёмкин», «принёс», «зарей», «всё» и мн. др. Особенно замечательно то, что с буквой ё стали печатать слово «всё», ведь острой необходимости в этом, казалось бы, не было: слово «всё» уже отличалось от слова «все» тем, что в последнем слове писали букву «ять». Следовательно, вовсе не желание различить омографические слова было решающим в процессе введения буквы ё – важна была точность передачи на письме произношения.

Дальнейшая история буквы оказалась непростой. Введению её препятствовали два обстоятельства: одно – чисто техническое (необходимость отливки новых литер для

набора), другое – более высокого порядка – верность традициям, неприятие «образованным» языком просторечного произношения. Надо сказать, что это была вполне естественная реакция, особенно для людей воспитанных в религиозной культуре, где господствовал освящённый веками великой духовной истории церковнославянский язык. Например, президент Российской Академии и глава «Беседы любителей русского слова» адмирал и литератор Александр Семёнович Шишков не принимал букву *ѣ* настолько, что собственноручно выкабливал точки над ней в принадлежащих ему книгах. Очень осторожно высказывались насчёт новой буквы и такие популярные руководства, как «Русская грамматика» Александра Христофоровича Востокова (1859 г.) и «Русское правописание» Якова Карловича Грота (в 1916 г. вышедшее 22-м изданием). В них буква *ѣ* рассматривается как своего рода неофициальное «начертание» и не включается в русский алфавит. Между тем мало-помалу она всё-таки стала закрепляться в письменности. Можно привести примеры её написания в рукописях, её печатания в книгах: от прижизненного пушкинского «Евгения Онегина» до «фэльтетонов» Фёдора Михайловича Достоевского из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» («Петербургская летопись»). Наконец, буква *Ё* появилась и в школьных азбуках: К.Д. Ушинского, в «Новой азбуке» графа Л.Н. Толстого 1875 г. (в толстовской «Азбуке» 1872 г. этой буквы нет), занимая место *в конце* алфавита (что принципиально отлично от современного её положения). Вероятно, школьное обучение предполагало её освоение, что видно, например, в случае императорской семьи (в детских текстах Николая II и его детей; у некоторых, как у великого князя Сергея Александровича, это написание закрепилось на всю жизнь).

Со второй половины XIX века вопрос о букве *ѣ* всегда вставал и при обсуждении реформ орфографии. Он, конечно, был связан с обсуждением возможной отмены буквы «ять». В случае её упразднения употребление буквы *е* закономерно и резко расширилось, что требовало дифференциации *е* и *ѣ* и, соответственно, желательности распространения последней. Хотя отмеченный ранее факт напечатания слова «всё» через *ѣ* уже в 1795 г. свидетельствует, что на самом деле проблема была гораздо глубже.

Так, в 1862 г. неофициальная Орфографическая комиссия под руководством Владимира Яковлевича Стоюнина (1826–1888) в связи с предложением упразднить среди прочих букву «ять» сочла написание *ѣ* обязательным. Примерно в том же духе и по схожему поводу высказалась и уже официальная Орфографическая комиссия Академии наук под руководством великого князя Константина Константиновича и академика Филиппа Фёдоровича Фортунатова (возглавлявшего образованную комиссией подкомиссию) в 1904 и последующих (Постановление 1912 г.) годах: «признать употребление буквы *ѣ* желательным, но не обязательным». Постановление 1912 г. (с

некоторыми изменениями) «перекочевало» к следующей Комиссии, образованной уже после Февральской революции и на этот раз возглавлявшейся академиком Алексеем Александровичем Шахматовым: в Постановлениях совещания при Академии наук, принятых 11 мая 1917 г., пункт о желательности, но необязательности буквы *ѣ* остался без изменений. На основе этих Постановлений 17 мая и 22 июня того же года Министерство народного просвещения своими циркулярами объявило о проведении орфографической реформы, начиная с младшего отделения начальной школы уже в 1917/1918 учебном году. В декрете Наркомпроса от 23 декабря 1917 г. пятый пункт, о букве *ѣ*, всё ещё оставался в тексте, а из декрета Совнаркома от 10 октября 1918 г. о введении новой орфографии пункт о букве *ѣ* исчез. Можно думать, что это было вызвано чисто экономическими причинами. В условиях войны и разрухи отливать литеры для новой буквы было невозможно (по той же прозаической причине пробуксовала и метрическая реформа, завершившаяся лишь в 1927 г.). Итак, буква «ять» была упразднена, а буква *ѣ* так и не «появилась».

Новый «прорыв» в этом вопросе произошёл только в годы новой войны – Великой Отечественной. 7 декабря 1942 г. газета «Правда» стала выходить с использованием этой буквы, а приказом наркома просвещения РСФСР В.П. Потёмкина от 24 декабря 1942 г. буква *ѣ* в обязательном порядке была введена в употребление в школьной практике (всем наркомам АССР и зав. край-(обл-)оно было предложено «дать распоряжение по подведомственным школам об обязательном применении буквы *ѣ* в русском правописании во всех классах начальной, неполной средней и средней школы»). Казалось, гонимая буква восстановлена в своих правах. 8 мая 1943 г. была подписана в печать двенадцатистраничная брошюра «Методические указания о применении буквы Ё в русском правописании» (составители – известный специалист в области русского языка, автор учебников Михаил Васильевич Светлаев (1898–1959, кстати, муж сестры М.А. Булгакова) и П.М. Минин). Несмотря на тяжелейшие военные условия, её издали под грифом Наркомпроса РСФСР тиражом 102 тысячи экземпляров. В брошюре разъяснялись правила употребления буквы Ё и приводилось несколько примеров из произведений русской и советской литературы, связанных с неправильным прочтением и пониманием текстов, возникающим из-за отсутствия этой буквы: лермонтовское «Бородино» («Французы двинулись, как тучи, / И всё на наш редут»), пушкинский «Анчар» («В пустыне чахлой и скупой, / На почве, зноем раскаленной, / Анчар, как грозный часовой, / Стоит – один во всей вселенной»), «Юбилейное» Маяковского («в щенка смиренном лвьёнке»). А в 1943 и 1945 гг. был даже издан уникальный словарь-справочник «Употребление буквы Ё», созданный Константином Иоакимфьевичем Былинским (1894–1960), Сергеем Ефимовичем Крючковым (1897–1969) и М.В. Светлаевым под редакцией

Н.Н. Никольского. Люди старшего поколения прекрасно помнят, что в те годы (до середины 50-х) написание *e* вместо *ё* считалось в школе ошибкой. Сегодня можно услышать пренебрежительные отзывы о решении 1942 г. Мол, в то тяжёлое время не нашлось более насущных дел, чем введение какой-то буквы. Между тем совершенно ясно, что её восстановление было вызвано военной необходимостью: ведь война это всегда действия на конкретной территории, это всегда масса конкретных людей – и здесь топонимические и антропонимические неточности абсолютно неприемлемы (немецкие карты до сих пор, кстати, отмечают русский город, как «Ogël», несмотря на то, что в немецком, разумеется, этой буквы нет).

Но продержаться на письме и в печати букве Ё удалось недолго. Орфографическими правилами 1956 г. она вновь была переведена в разряд «необязательных», «факультативных», а её использование считалось нужным лишь в тех случаях, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова («все» и «всё»), в книгах специального назначения: словарях, букварях, и изданиях для обучающихся русскому языку иностранцев. Оказалось, что изучающие русский язык иностранцы имеют право увидеть в книгах букву *ё*, а носители языка почему-то такой возможности лишены. Таково официальное положение буквы *ё* и в настоящее время¹⁶.

Что же мы теряем без буквы *ё*? Ёкающее произношение уже давно установилось в русском языке и стало литературной нормой. По самым скромным подсчётам современный русский язык содержит более 10 тысяч слов, в которых пишется (а на самом деле нет) эта буква. Это огромный лексический фонд. Невнимание к нему приводит к таким уродливым формам, как «свекла́», «афе́ра», «гра́вер», «углу́бленный», «убиённый» и т.д. и т.п. Пренебрежение к букве коверкает классику: «Когда в товарищах согласья нет, / На лад их дело не пойдёт...» – вот настоящая крыловская рифма. Или ещё крыловское: «Расселись, начали квартет; / Он всё-таки на лад нейдёт...». Или у В.А. Жуковского: «Птичка летает, / Птичка играет, / Птичка поет; / Птичка летала, / Птичка играла, / Птички уж нет...». Подобные примеры можно продолжать. Особенно больно отсутствие *ё* переживают топонимы и антропонимы. Например, прославленный математик Пафнутий Львович Чебышев был на самом деле Чебышёвым, а великий шахматист Александр Александрович Алёхин – Алехиным (что подчёркивало его дворянское происхождение, в художественном фильме «Белый снег России» эта фамилия произносится неверно). Русские топонимы: Дулёво, поленовское Бёхово, шолоховская Вёшенская, бажовские Гумёшки, Мещёра (но князя Мещерские), Вышний Волочёк... – продолжать можно до бесконечности. А как помогает буква *ё* при написании иностранных имён и названий: Пёрл-Харбор, Шёнграбен, Прёйсиш-Эйлау, Шёнбрунн, Байрёйт, Фарёрские острова; Гёте,

Тёрнер, Бёрнс, Грёз, Ришельё, Лагерлёф... Нет буквы ё и Рёрих (Roerich) в конечном итоге стал Рерихом, Фёт (Foeth) – Фетом, Рёнтген (Röntgen) – Рентгеном. Можно вспомнить и некоторые литературные примеры. Как писал наш великий учёный М.Л. Гаспаров, «Пушкин писал через ять: “Все те же ль вы” (не меняется ли ваш состав?); без ятя же, несмотря на отсутствие точек над ё, единодушно читается: “Всё те же ль вы” (по-прежнему ли вы такие, как были?)». В “Анне Карениной” только точками над “ё” можно заставить читать имя “Лёвин”»¹⁷. А кто знает, что в дореволюционных изданиях «Тома Сойера» имя одного из главных героев писалось как Гёкльберри Финн, а герой одноимённого романа Генрика Сенкевича носит фамилию Володыёвский? Многочисленные примеры искажений, разночтений и прочих несуразностей приведены в книге Е.В. Пчелова и В.Т. Чумакова «Два века русской буквы Ё: История и словарь» (М., 2000).

Значение буквы ё для русской письменности прекрасно осознавали многие крупнейшие лингвисты, такие, например, как Лев Владимирович Щерба (1880–1944) и Александр Александрович Реформатский (1900–1978). Л.В. Щерба отмечал, что «знаки ё и й надо обязательно считать за особые буквы», а введение обязательного употребления буквы ё считал «делом первостепенной важности». А.А. Реформатский посвятил этой букве даже особую статью, призывая «юридически её узаконить в списке алфавита». Кстати, и такой выдающийся лингвист, как Николай Николаевич Дурново (1876–1937) всегда писал букву ё в рукописном тексте. Но проблема остаётся актуальной до сих пор. Долгое время единственным серьёзным препятствием был типографский набор, но теперь и эта техническая сложность окончательно ушла в прошлое. Казалось бы, возрождение буквы ё неизбежно, но, к сожалению, закостенелость мышления и сила привычки мешают признать очевидную необходимость восстановления утраченного – при обсуждении проекта нового свода правил русской орфографии и пунктуации Орфографическая комиссия РАН продолжает настаивать на факультативности употребления буквы ё. А ведь факультативность в использовании этой буквы на самом деле ведёт к её уничтожению – вместо того, чтобы печатать её там, где нужно, её не печатают нигде, а многие редакторы и корректоры даже безжалостно уничтожают её в уже подготовленных, набранных на компьютере авторских текстах. Между тем, с конца 1990-х гг. идёт и всё больше набирает обороты движение в защиту буквы ё, сторонники которого требуют однозначного и полноценного восстановления в правах униженной буквы. Уже сейчас достигнуты немалые результаты – всё больше изданий и книжного и газетно-журнального характера выходит с обязательным употреблением буквы ё, эта буква появилась и в титрах телевидения, и даже в официальной документации ряда государственных органов... Но

только когда мы окончательно поймём, что русский алфавит – это наше важнейшее культурное достояние, а не просто условный набор графических знаков, а за каждой из букв стоит многовековая история и огромное культурное содержание, только тогда буква ё неколебимо и прочно займёт то важное и значимое место, которое она и должна занимать в русской азбуке и в русской культуре.

¹ Протокол опубликован, к сожалению, с рядом неточностей, в кн.: *Чумаков В.Т.* Вместо ё печатать е – ошибка! М., 2005. С. 25–34.

² Архив РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Лл. 21, 22 об., 23.

³ Архив РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об.

⁴ *Успенский Б.А.* Первая русская грамматика на родном языке: Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975. С. 39, 174.

⁵ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 40.

⁶ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 162.

⁷ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 85 и сл.

⁸ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 209.

⁹ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 208–212.

¹⁰ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 209–210.

¹¹ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 162.

¹² *Мыльников А.С.* «Он не похож был на государя...»: Пётр III. Повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 582.

¹³ См.: *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 211.

¹⁴ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1959. С. 580, 583; игрени – конская масть, иготь – ручная ступка, толпыга – бестолковый, неотёсанный человек.

¹⁵ *Пчелов Е.В., Чумаков В.Т.* Два века русской буквы Ё: История и словарь. М., 2000. С. 37–52.

¹⁶ Графема ё используется также во французском (Noël, moët, citroën, canoë, Raphaël, Israël, de Staël, Brontë, Saint-Saëns etc), албанском и некоторых других (большей частью основанных на кириллице, как балкарский, коми, бурятский) алфавитах, но в них она имеет иное фонетическое значение.

¹⁷ *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000. С. 23.